

ИЗЪ „КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО“ ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

(1847).

„Сегодня 8 Января, во время обѣда, мой благоразумный и добрый служитель Иванъ подошелъ ко мнѣ и съ замѣтною печалію спросилъ меня: знаете ли вы, что васъ посылаютъ въ Сергіеву пустыню?“

Порфирій сначала усумнился. „Кажется, Богъ дарить мнѣ теперь то уединеніе и тотъ покой, о которомъ я нерѣдко думывалъ и говаривалъ друзьямъ своимъ, какъ о величайшихъ благахъ на землѣ. Но не цѣпи ли налагаютъ на меня? Будетъ ли вождѣлѣнно мнѣ уединеніе насильственное? Будетъ ли сладокъ мнѣ покой приказанный?... Но что мнѣ дѣлать тамъ? Пѣть, читать, звонить? Нѣтъ, тѣсно мнѣ будетъ тамъ. Мало вселенной... Но не высоко ли я мечтаю о себѣ? Не сокрушаетъ ли Господь мое превозношеніе? Буди благословенно святое имя Его!“

„Изъ консисторскаго журнала я понялъ все и увидѣлъ приготовленную мнѣ пропасть двумя бездушными архіереями, митрополитомъ Антоніемъ и его викаріемъ Наѳанайломъ. Слова мои, сказанныя этому викарію,—если я нуженъ церкви Божіей...; если я не нуженъ,—были переданы высшему начальству, и оно рѣшило доказать мнѣ, что я не нуженъ ей. Наѳанайлъ, не взирая на мою просьбу быть мнѣ отцомъ и затаять мою искреннюю и горькую исповѣдь, сдѣлался моимъ судьбою, и либо самъ отъ себя, или, вѣроятно, по приказанію митрополита и оберъ-прокурора, словесно, указалъ консисторіи темницу для горемычнаго Порфирія“.

Личности гонителей Наѳанайла и Антонія, превосходно охарактеризованы о. Морошкинымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи православной церкви“ *).

Наѳанайлъ, хотя и былъ примѣрный монахъ, но въ служебной дѣятельности обнаруживалъ неправоту въ дѣйствіяхъ и безграничную довѣренность къ нѣкоторымъ лицамъ, умѣвшимъ вкрасться въ его

*) Сборникъ Историческ. Общества. Т. 113.

любовь и завладѣть его довѣріемъ. Кромѣ того онъ легко поддавался первому впечатлѣнію, по которому и составлялъ понятіе о человѣкѣ, а потому однимъ вѣрилъ на слово во всемъ, а другимъ безъ всякой причины ни въ чемъ не довѣрялъ. При такомъ характерѣ пройдохи, умѣвшіе носить маску благонамѣренности и благочестія, пользовались его милостію, а консисторія дѣлала, что хотѣла.

Антоній былъ баринъ и сибаритъ. Онъ любилъ жить на широкую ногу, имѣлъ роскошный столъ, рѣдкій день обѣдалъ одинъ и рѣдкій столъ проходилъ у него безъ шампанскаго. Неудивительно, что такая страсть хорошо и много кушать и пить, при довольно тучномъ тѣлосложеніи, имѣла слѣдствіемъ параличъ; а, затѣмъ, черезъ годъ послѣ сѣтованій на него Порфирія, онъ и скончался на 63 году жизни.

Вскорѣ Порфирій поѣхалъ въ Азіатскій Департаментъ къ директору Сенавину. „Директоръ принялъ меня, пишетъ Порфирій, съ собственнымъ ему добродушіемъ и, услышавъ о моей ссылкѣ, принялъ сердечное участіе въ странномъ злополучіи моемъ. „Скажите мнѣ искренно,—спросилъ онъ,—за что васъ посылаютъ въ пустынь?“ Я отвѣчалъ: „За то, что я не сумѣлъ попросить заслуженнаго жалованья, котораго до сей поры не получалъ съ прошлаго Мая, и осмѣлился требовать его по праву сполна, когда хотѣли уменьшить его по произволу, и за то, что крупно поговорилъ съ здѣшнимъ викарнымъ епископомъ, который обидѣлъ меня, назвавъ чуть не бродягою“. Тутъ кратко передалъ я директору весь разговоръ мой съ Наеванаиломъ и промолвилъ, что я не оправдываю себя въ нескромности и глубоко сожалѣю о своихъ жесткихъ рѣчахъ; но, вѣдь, я выведенъ былъ изъ терпѣнія голодомъ и болѣзнію отъ сырости помѣщенія“.

Затѣмъ Сенавинъ далъ возможность Порфирію лично объясниться съ оберъ-прокуроромъ Синода, который направилъ его къ посланнику В. П. Титову. Владимиръ Павловичъ принялъ Порфирія очень любезно и, прощаясь, сказалъ, что надѣется видѣться съ нимъ на Востокѣ. Бывшій тутъ директоръ канцеляріи Св. Синода А. И. Войцеховичъ и тутъ постарался сдѣлать непріятность Порфирію. „Откланиваясь посланнику, пишетъ Порфирій, я медленно пятился къ дверямъ и слушалъ его рѣчи и потому забылъ поклониться Войцеховичу. За это онъ косился на меня. Чернильная душа! Въ глазахъ моихъ онъ не постыдился лгать и крючкотворствовать. Приказная строка кривая! Какъ онъ не подавился своей ложью?“

24 Января Порфирій послалъ письмо своему другу Стурдзѣ въ Одессу о своемъ избавленіи отъ водворенія въ Сергіеву пустынь. Затѣмъ онъ заноситъ въ свой дневникъ: „В. П. Титовъ сказалъ, что меня опять пошлютъ въ Іерусалимъ въ качествѣ поклонника, и что

ко мнѣ впослѣдствіи будутъ присланы сотрудники, а учрежденіе Русскаго монастыря и училища при немъ въ Іерусалимѣ отлагается изъ предосторожности, какъ бы не надѣлать шума въ Европѣ“.

„Боже мой! Чтò это за мудрость у сыновъ вѣка сего? Одни все дѣлають на славу и трубятъ о своихъ подвигахъ, а другіе боятся шума и говора людскаго. Какъ изъ этихъ противоположностей выходитъ единство во всеобщемъ направленіи дѣлъ политическихъ и религіозныхъ? Не иначе, какъ уступкою однихъ другимъ въ ущербъ истинѣ и правдѣ. Православіе! Православіе! Тебѣ велятъ быть луною, а не солнцемъ. Тайна Божія дѣется въ мірѣ. Приготовляется страшный переворотъ религіозный. Но откуда грянетъ гроза? И откуда возсіяетъ новый свѣтъ? Тайна сія велика есть. Послѣ ослабленія церковнаго христіанства рушатся царства Европы... О, мудрость Божія! Кто изъ смертныхъ можетъ знать: какъ Ты изъ разрушенія и хаоса возсозиждешь новыя общества человѣческія? Но будетъ новое небо и новая земля, т. е. обновленная вѣра и новая общежительность народовъ, безъ монархій, безъ республикъ, подъ управленіемъ однихъ первосвященниковъ, мудрѣйшихъ и святѣйшихъ... Не даромъ съ ступеней царскихъ престоловъ вѣетъ мертвящій холодъ безвѣрія, маловѣрія, лицемѣрія и дипломатіи, не любящей Евангелія, этой книги народной, въ которой изрекается горе, горе, горе книжникамъ, фарисеямъ, саддукеямъ, князьямъ, и въ которой власти верховной говорится: скажите лису тому... Не даромъ! Народы утомятся нечестіемъ, развратомъ. деспотизмомъ и тупоуміемъ правителей ихъ и, плюнувъ на нихъ, подойдутъ къ первосвященникамъ за благословеніемъ на новую Евангельскую жизнь“.

„Вѣщій монахъ! Чтò ты видишь? Чтò ты пророчишь?“

„Я вижу: Богъ грядетъ потрясти небо и землю. Я пророчу побѣду и торжество истины надъ ложью, ума надъ суевѣріемъ, правды надъ неправдою, свободы надъ рабствомъ. Я предвижу и пророчу всеобщее братство, равенство и довольство при уравненіи благъ земли“...

— Но какъ ты видишь? Какъ ты пророчишь?— Не самъ я вижу. Не самъ я пророчу. Духи страждущихъ народовъ видятъ сквозь мои очи и глаголютъ моими устами.

— Итакъ, ты знаешья съ этими духами?

— Я другъ имъ! Послушникъ ихъ!

Еще и еще разъ прорицаю будущее.

Не скоро, не скоро, а придетъ время, когда многочисленные, мудрѣйшіе и святѣйшіе архіереи, и только они одни, будутъ управлять свободными народами, прилично и скромно содержась достаточными

имѣніями и узаконеннымъ выдѣломъ изъ общественной казны. Но что и что тогда послѣдуетъ? Тогда“...

31 Января состоялось синодское опредѣленіе отправить Порфирія въ Іерусалимъ. Но онъ выѣхалъ изъ Одессы въ Константинополь только 24 Ноября 1847.

10 Февр. (1848) Порфирій посѣтилъ городъ Тиръ. Здѣсь отъ свѣдущаго Арабскаго проводника своего онъ узналъ, чего прежде не слышалъ, узналъ, что въ бѣломъ утесѣ, въ которомъ изсѣчена знаменитая въ древности и нынѣ Тирская лѣстница, у самаго моря находится пещера, называемая банею безплодныхъ женщинъ, Хаммамъ-ел-Бзесъ, и что сюда приходятъ (на лодкахъ пріѣзжаютъ) купаться такія женщины и послѣ купанья молятся Св. Георгію и оставляютъ на берегу серебряную монету. Онъ не видѣлъ этой пещеры, но понялъ, что и здѣсь жили лакомыя служительницы Астарты и зазывали къ себѣ проѣзжихъ, особенно богатыхъ иностранцевъ. Здѣсь-то, по сказанію Іерусалимскаго Талмуда, по (Pava Kama 4, 2), два воинскіе начальника, посланные изъ Рима изучать Іудейскій законъ у раввина Гамалиила (здѣсь, у Тирской лѣстницы), забыли этотъ законъ. Здѣсь-то, по другому сказанію Талмуда того же (Abodan Zaga 40, 1), раввинъ Гамалиилъ, встрѣченный однимъ ученикомъ его недалеко отъ Тирской лѣстницы, оказался пьянымъ и не смогъ дать отвѣта о какомъ-то обѣтѣ, и уже тогда, когда хмѣль его испарился, рѣшилъ предложенный ему ученикомъ вопросъ, рѣшилъ на самой Тирской лѣстницѣ, закрывши лице свое. Смыслъ этихъ сказаній тотъ, что чтителище Астарты у Тирской лѣстницы было такъ ненавистно благочестивымъ Іудеямъ, такъ соблазняло и развращало посѣщавшихъ его раввиновъ и ихъ учениковъ, что они тамъ забывали строгую нравственность и предавались сладострастію. Нынѣ всего этого нѣтъ; но замѣчательно то, что купающіяся тутъ женщины оставляютъ здѣсь деньги послѣ купанья въ морѣ. Эта жертва напоминаетъ древле бывшую тутъ плату прохожихъ блудницамъ, осужденную закономъ Моисея: „Да не будетъ блудница отъ дочерей Ізраилевыхъ, и да не будетъ блудникъ отъ сыновъ Ізраилевыхъ. Да не принесеши мзды блудничи... въ домъ Господа Бога твоего на всякъ обѣтъ, яко мерзость есть Господеви Богу твоему“.

Отъ Тирской лѣстницы приморская дорога пролегаетъ по безплодной и пустынной мѣстности до самаго Кармильскаго залива моря. Не о чемъ вспомнить тутъ, развѣ о ничтожныхъ развалинахъ исчезнувшаго города Искандеруна, возникшаго на мѣстѣ, гдѣ становалъ Александръ Македонскій на пути къ Тиру и видѣлъ во снѣ взятіе сего города. Торчитъ тутъ развалившаяся башенка, складенная изъ мелкихъ камней, да изъ струйника, Арабско-турецкаго зодчества, вытекаетъ прѣсная

хорошая вода двумя ливнями. Вотъ и все. Отсюда черезъ полчаса они выѣхали на возвышенный бѣлый мысъ, омываемый моремъ, съ котораго видны, какъ на ладони, городъ Сень-Жан-д-Акръ (Птолемаида) и Латинскій монастырь на приморской выси Кармила, а съ этого мыса спустились на при-Кармилъскую равнину.

Въ Мартъ утромъ, пишетъ Порфирій, я со всѣми присными мнѣ выѣхалъ въ Вифлеемъ для свиданія съ тамошнимъ митрополитомъ Діонисіемъ.

Судьба насъ берегла, а горе ждетъ изъ-за угла.

Около четырехъ часовъ по полудни благовѣстъ въ малый колоколь призвалъ христіанъ къ вечернему моленію. Разноплеменные поклонники изъ гостинныхъ покоевъ монастырскихъ пошли въ соборную церковь. Тутъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Рождественской пещерѣ причтъ Вифлеемскаго митрополита вознамѣрился отслужить до вечерни краткій молебень, т. е. пропѣть: Рождество Твое Христе Боже нашъ, прочесть Евангеліе о рожденіи Спаса и возгласить ектеню о здравіи молящихся. Но въ то же время Францисканскій священникъ съ своимъ причтомъ предстоялъ у Яслей Господнихъ и располагался священнодѣйствовать по своему уставу. Кандиловжигатель его сказалъ кандиловжигателю православному, что Греки не въ указанное время хотятъ молебствовать въ Святой Пещерѣ, и выслалъ его вонъ. Латинскій церковникъ, по увѣренію Грековъ, на полъ бросилъ Евангеліе съ православнаго престола. А Греческій аеромонахъ тотчасъ побѣжалъ къ митрополиту Діонисію съ доносомъ объ этомъ и, встрѣтивъ его и насъ на лѣстницѣ, ведущей изъ гостинныхъ горницъ на монастырскій дворъ, впопыхахъ сказалъ ему: „владыка, Франки на полъ бросили Евангеліе съ нашего престола“. Преосвященный, услышавъ это, застоналъ и, идя въ соборъ, жаловался намъ на злобу Франковъ. Всѣ мы вошли въ это наидревнѣйшее святилище чрезъ двери, находящіяся въ южномъ рогѣ зодчественнаго креста его. По входѣ туда я не замѣтилъ никакого особеннаго волненія въ народѣ и потому спокойно пришелъ прямо къ главному иконостасу и, по обычаю, началъ молиться предъ мѣстными иконами, а митрополитъ остался у южнаго входа въ Св. Пещеру. Въ эти минуты, какъ послѣ узналъ я, уже дрались между собою подсвѣчниками оба кандиловжигателя, а Латинскій попъ въ бѣломъ облаченіи безмолвно стоялъ у Яслей. Митроп. Діонисій, не входя въ пещеру, понуждалъ поклонниковъ идти туда битъ Латинъ, іеромонахъ же его вынесъ изъ соборнаго алтара палки и дубинки и роздалъ ихъ находящимся въ пещерѣ поклонникамъ. Мой служитель Иванъ стоялъ на лѣстницѣ, ведущей въ Вертепъ Рождества Христова, и митрополитъ силою втолкнулъ его туда, такъ что онъ едва не упалъ на сту-

пеньки. Такъ какъ сей служитель былъ очевидцемъ того, что произошло въ названномъ Вертепѣ и видѣ онаго, то и помѣщается здѣсь разсказъ его объ этомъ печальномъ происшествіи.

„Какъ только я спустился въ Пещеру, увидѣлъ, что кандилафты дерутся подсвѣчниками, а поклонники стоятъ уже съ палками. Франкскій попъ въ бѣлой одеждѣ началъ мнѣ говорить что-то по-итальянски, но замѣтивъ, что я не понимаю его, замолчалъ. Кандилафтъ его струсилъ и убѣжалъ изъ Пещеры. А одинъ Грекъ схватилъ кованное изъ серебра Евангеліе наше, подскочилъ къ попу въ бѣлой одеждѣ и, прокричавши: „такъ вы безчестите наше Евангеліе“, началъ бить его по головѣ этою книгою со всей мочи и окровавилъ; отставной же Русскій солдатъ, весь въ медаляхъ и крестахъ, подошелъ къ этому попу съ палкою и выслалъ его вонъ говоря: „маршъ, маршъ, Франки, вонъ отсюда Католики!“ Тутъ другіе поклонники схватили его другого капуцина и давай бить ихъ палками и гнать изъ Пещеры вмѣстѣ съ какими-то мальчишками. Какъ только выгнали ихъ въ Армянскій придѣлъ, я увидѣлъ много Арабовъ и, боясь, какъ-бы они по одеждѣ моей не приняли меня за Франка и не стали колотить, опять спустился въ Пещеру и другимъ выходомъ перешелъ на Греческую сторону церкви, дабы посмотреть, чѣмъ кончится дѣло“.

Все это совершилось весьма скоро. Въ эти мгновенія я (Порфирій) еще стоялъ передъ иконою Богоматери и хвалилъ своему студенту Соловьеву (рисующему образъ) живопись и особенно постановку Богоматери. Мы не знали и даже не слышали, что дѣлалось въ Пещерѣ, надъ которою стояли, потому что она, кромѣ натурального толстаго свода ея, покрыта высокимъ мраморнымъ помостомъ; да и вниманіе наше занято было иконною живописью.

Какъ только я отошелъ отъ иконы Богоматери къ правому клиросу и хотѣлъ занять сѣдалище, *stasidi*, подлѣ метрополитанской каѳедры, дабы слушать тутъ вечерню, увидѣлъ, что отъ Св. Пещеры чрезъ Армянскій придѣлъ стремительно бѣгутъ мальчишки къ внутренней двери Латинскаго монастыря, но не замѣтилъ ни гнавшихъ ихъ, ни поповъ Францисканскихъ. Въ своихъ путешествіяхъ по Сиріи, выдавши, какъ буйно ведутъ себя малолѣтки въ церквахъ, я подумалъ, что и здѣсь гонять ихъ за шалости. Послѣ того какъ они скрылись за монастырскою дверью, тотчасъ оттуда вбѣжали въ Армянскій придѣлъ Францисканскіе монахи и Виѣлеемскіе Арабы-католики съ палками и камнями и, бросая ихъ въ поклонниковъ, успѣли разогнать ихъ на мгновеніе. Одинъ камень, брошенный къ митрополичьей каѳедрѣ съ такою силою, что сдѣлалъ язвину въ мраморномъ подножіи сей каѳедры,

разбился на куски, разлетѣлся и едва не ранилъ меня и стоявшихъ подлѣ меня студентовъ моихъ.

Я удалился въ алтарь и къ увеличенію моего негодованія и моей тревоги, увидѣлъ, что тамъ въ присутствіи митрополита два послушника торопливо забираютъ изъ шкафа палки и дубинки для раздачи ихъ народу. Мнѣ стало страшно; глаза мои закрылись, и я приникъ челомъ къ святому престолу. Въ эти минуты митрополитъ вышелъ изъ алтаря и понуждалъ народъ къ побоищу. Самосохраненіе заставило меня посмотреть черезъ царскія двери, что и что происходитъ въ соборѣ, дабы въ случаѣ опасности укрыться отъ побоища, и я увидѣлъ: одни поклонники держатъ въ рукахъ своихъ одного Францискана на высококомъ помостѣ, а другіе со всей мочи бьютъ его, чѣмъ попало. Едва-ли онъ будетъ живъ. Мой Иванъ, издали зѣвавшій на это побоище, говорилъ мнѣ, что когда Франки разметали свои камни, тогда поклонники схватили ихъ и начали бить.

Подлѣ меня въ алтарь очутились мои спутники. Лица ихъ были блѣдны. Мы рѣшились уйти изъ вертепа убійць черезъ алтарный придѣлъ Св. Георгія, но какъ только вошли туда, къ ногамъ моимъ упала родная сестра митрополита и умоляла меня увести брата ея съ побоища. Рѣшась спасти жизнь преосвященнаго, я воротился, нашель его подлѣ иконостаса, схватилъ за руку и увель съ окровавленнаго помоста чрезъ алтарь и Георгіевскій придѣлъ въ его кельи. Посему неизвѣстно было мнѣ, какъ и чѣмъ кончилось побоище.

Мой Иванъ и другіе очевидцы, не принимавшіе участія въ немъ, говорили, что изъ Латинскаго монастыря, пристроеннаго къ Виѣлеемскому собору, сдѣлана была вылазка для вырученія Францисканскаго монаха, котораго, какъ я видѣлъ, ужасно избили поклонники. Опять посыпались палки и камни со стороны Латинъ, съ которыми было немало и Виѣлеемскихъ Арабовъ ихъ вѣры; поклонники разсыпались. Францисканъ былъ вырученъ. Но въ дверяхъ монастыря, которыхъ Латины не успѣли затворить, снова произошла свалка: съ обѣихъ сторонъ перебрасывались палками и камнями. Между тѣмъ изъ Греческаго монастыря нахлынуло множество православныхъ Виѣлеемитовъ, всѣ вооруженные, кто ятаганомъ, кто дубинкою, кто палкою съ желѣзнымъ остриемъ на концѣ; даже дѣти обоего пола имѣли палки въ рукахъ своихъ, но эта толпа застала уже конецъ побоища; Латины успѣли захлопнуть свою дверь, поклонники пытались сорвать ее съ петель, но не могли и разошлись.

Между тѣмъ всѣ мы безмолвно сидѣли въ кельяхъ митрополита, находящихся въ крѣпкой Густіановой башнѣ, примыкающей къ собору и къ монастырскому зданію. Порой являлись къ нему наконецъ герон

побоища, какъ-то: кандиловжигатель его съ окровавленными челюстями, пожилой Грекъ съ острова Крита, съ разбитою головою, весь въ крови, и молодой и сильный Болгаринъ исполинскаго роста, съ хохломъ на бритой головѣ, какъ Славянинъ времени нашего Святослава, кулаки его еще были сжаты, и онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что ему не удалось убить до смерти Латинъ за вѣру Христову, приговаривая, что каждый изъ нихъ послѣ третьяго кулачнаго удара его полетѣлъ бы прямо въ адъ. Эти сцены были невыносимы для насъ, и мы сошли въ свои гостинныя горницы и тамъ узнали, что Латинскій монахъ, избитый въ Пещерѣ, отправленъ былъ въ Іерусалимъ въ томъ бѣломъ облаченіи, въ которомъ хотѣлъ священнодѣйствовать, а митропол. Діонисій послалъ туда же каваса Апостоли увѣдомить патріарха о случившемся происшествіи. Кавасъ этотъ предварилъ пріѣздъ болящаго монаха.

Послѣ сего распоряженія преосвященный пришелъ ко мнѣ въ горницу звать насъ къ вечернѣ. Было поздно. Я отговаривался усталостію, тревогою, нездоровьемъ, но тщетно. Надлежало покориться ему, дабы скрыть отъ него величайшее отвращеніе свое отъ поступка его и успокоить его, по крайней мѣрѣ, своимъ поддѣльнымъ послушаніемъ.

Вечерню служилъ въ соборѣ Арабскій священникъ отецъ Ілія. Во всю эту службу нѣсколько Грековъ, по волѣ митрополита, стояли съ дубинками въ рукахъ у дверей Латинскаго монастыря, для предотвращения предполагаемой вылазки Латинъ. Зрѣлище нестерпимое! Напрасно я уговаривалъ выслать изъ собора этихъ дубинщиковъ; онъ не слушалъ меня и, по обычаю, самъ пѣлъ и читалъ вечернія молитвы Богу мира и любви. А я, склонивъ голову къ рукояткѣ не-низкаго сѣдалища, скрылъ лице въ рукахъ своихъ и только чувствовалъ, что у меня горѣло сердце болѣзненно.

На другой день позвалъ меня къ себѣ патріархъ Кириллъ. Въ гостинной горницѣ на диванѣ съ нимъ сидѣлъ только одинъ Петроаравійскій митрополитъ Мелетій. Его блаженство сказалъ мнѣ, что онъ нетерпѣливо ожидалъ меня, давъ знать нашѣ и Латинскому патріарху, что сужденіе о вчерашнемъ побоищѣ начнется только тогда, когда я, какъ очевидный свидѣтель, расскажу, какъ оно происходило. Я проницательно взглянулъ на патріарха и отвѣтилъ ему почтительно и равнодушно: „Владыка, я не видалъ ни начала, ни конца достопащевнаго побоища виѳлеемскаго, и потому не могу быть вполне вѣрнымъ свидѣтелемъ: мною замѣчено было только вотъ что. Кто-то гналъ малютокъ отъ Св. Пещеры; латинскіе монахи бросали камни въ нашихъ поклонниковъ: одинъ камень ихъ долетѣлъ до меня, стоявшаго на кли-

росъ подлѣ митрополита, и разбился въ дребезги о мраморное подножіе митрополичьей каѳедры; наши поклонники нещадно били одного Францискана; изъ нашего алтаря митрополичьи люди выносили палки и дубины въ присутствіи его преосвященства и раздавали ихъ поклонникамъ, сестра митрополита упростила меня вывести брата ея изъ церкви, и я увелъ его оттуда“. Патріахъ, выслушавъ все это, раскраснѣлся и сперва сказалъ: хорошо! потомъ началъ осуждать горячность митрополита Діонисія и даже проговорился, что надобно смѣнить его, сожалѣлъ о раздачѣ палокъ и дубинокъ поклонникамъ, умолялъ меня никому не говорить объ этихъ орудіяхъ побоища и, наконецъ, передалъ разговоръ Сардинскаго консула съ Іерусалимскимъ пашею.

Консулъ. Прошу у васъ безпристрастнаго суда о Виөлеемскомъ побоищѣ.

Паша. Ожидая пріѣзда изъ Виөлеема Русскаго архимандрита Порфірія. На него, какъ на очевидца побоища, указали мнѣ оба здѣшніе патріарха.

Консулъ. Но этотъ архимандритъ здѣсь не болѣе, какъ гость. А гостя въ судебное дѣло вмѣшивать не слѣдовало бы.

Паша. Однако и гость можетъ быть свидѣтелемъ происшествія, ежели оно случилось въ присутствіи его.

Когда патріахъ пересталъ говорить, я сказалъ ему: „Владыка святой, прошу васъ знать, что я пріѣхалъ отнюдь не для вмѣшательства въ чужія дѣла“.— „А ежели спроситъ васъ паша?“ подхватилъ владыка. Я живо и твердо отвѣтилъ: „ни къ пашѣ не пойду, ни его къ себѣ не приму по настоящему дѣлу. Я независимъ и свободенъ“.

Разговоръ нашъ прекратился по случаю появленія въ гостинной посланнаго отъ пашни православнаго Грека въ Турецкомъ сюртукѣ. Этотъ Грекъ объявилъ патріарху, что паша нетерпѣливо ждетъ его къ себѣ для объясненій по виөлеемскому дѣлу.

По уходѣ сего посланца, мы обмѣнялись нѣсколькими благими словами. Я возвратился домой.

9 Марта навѣстилъ меня Виөлеемскій священникъ Ілья, Арабъ, и, какъ очевидецъ онаго побоища, повѣдалъ мнѣ, что Латинскій кандиложигатель (кандилафть) не бросалъ Греческаго Евангелія на полъ Св. Пещеры, а вынесъ его съ целеною въ Греческій придѣлъ Св. Георгія и положилъ на налоѣ. Греческій же кандиложигатель опять снесъ его въ оную Пещеру и положилъ на престолѣ. Послѣ сего началась ссора ихъ и драка. По словамъ о. Ільи, избитый Францисканъ пріялъ достойную мзду за великую ненависть его къ Православнымъ христіанамъ.

10, Среда. Утихъ шумъ, прекратилась брань. Смыта кровь въ Виоелеемскомъ храмѣ. Одинъ Богъ вѣдаетъ совѣсть враждующихъ на мѣстѣ святомъ, и Его одного судъ праведенъ и непреложенъ, а судъ чловѣка или приближается къ правдѣ, или удаляется отъ нея, или колеблется нерѣшительно.

Греки не въ свое время, то есть позже обыкновеннаго, заблаговѣстили къ вечернѣ и созвали поклонниковъ въ Св. Пещеру для молебствія. Иначе не могло бы произойти столкновение ихъ съ Латинами. Когда я съ своими ходилъ туда молиться въ третьемъ часу пополудни, тогда тамъ не было ни души, и мы безмолвно и спокойно совершили свое набоженство. Почему же промедлили Греки? Вѣдь, не дожидались они прилива поклонниковъ, которые до полудня пришли въ Виоелеемъ. Сдается, что они задумали отомстить Латинамъ сегодня за 17 Октября прошлаго года.

Латинскій кандиловжигатель схватилъ съ престола Греческое Евангеліе и вынесъ его изъ Пещеры въ Георгіевскій придѣлъ собора. Онъ поступилъ дерзко, не имѣя ни малѣйшаго права распоряжаться на чужомъ престолѣ. Да и Францисканскій священникъ въ бѣлой одеждѣ виноватъ тѣмъ, что не остановилъ его.

Митроп. Діонисій кругомъ виноватъ. Онъ однимъ словомъ могъ бы предотвратить или приостановить побоище, приказавъ іеромонаху и кандиловжигателю своему дождаться прибытія своего, молча и благоговѣнно, и внушивъ поклонникамъ благоговѣніе къ святому мѣсту; но онъ не только не сдѣлалъ этого, но еще понуждалъ ихъ драться съ Латинами. Видно, что мечь имъ кипѣла въ его сердцѣ, и онъ воспользовался случаемъ, чтобы вырвать око за око и зубъ за зубъ. И кто знаетъ, не вошло ли въ расчетъ его мести и мое присутствіе, какъ средство къ оправданію или какъ отводъ отъ опасности.

Въ соборномъ алтарѣ скрыты были орудія побоища. Не думаю, чтобы они приготовлены были на этотъ разъ, нѣтъ: страстямъ непрестанно горящимъ всегда надобны орудія ихъ порывовъ. Но не смертный ли грѣхъ держать орудія смерти тамъ, гдѣ совершается безкровная жертва примиренія? Да, грѣшно это!

И у Латинъ наготовѣ были палки и камни. *Similis simili gaudet*. Чего можно ожидать отъ Испанскихъ и Италіанскихъ мужиковъ, надѣвшихъ на себя Францисканскую рясу! Ничего, кромѣ фанатизма, скрежета зубовъ, разбойничихъ дѣлъ. Гверильясы вездѣ Гверильясы, и въ Виоелеемѣ Францискане любятъ хвалиться своими страданіями и мученичествомъ. Но вотъ каковы ихъ мученики! Сперва сами съ остервененіемъ бьютъ ближнихъ, а потомъ прибьютъ и ихъ. Жалокъ и низокъ папскій Западъ. Онъ высылаетъ на Востокъ не миссіонеровъ,

а разжигателей страстей человѣческихъ, рушителей древнихъ вѣрованій и даже кулачныхъ бойцовъ.

Патріархъ православный, патріархъ Латинскій, паша вздумали основать свои сужденія о Виөлеемскомъ побоищѣ на моихъ показаніяхъ. Напрасно! Однако это обстоятельство дало мнѣ почувствовать, что здѣсь я могу сдѣлаться господиномъ мнѣній и дѣлъ. Впрочемъ, въ честномъ казакѣ пусть не ожидаютъ Іезуита, въ философѣ измѣнника (продавца) правдѣ, въ монахѣ—мужа кровей и лести.

8 Іюля Порфирій опять поѣхалъ въ Виөлеемъ погостить тамъ у митроп. Діонисія и подышать свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Что же замѣчено на пути туда? Немногое. „Какъ только мы проѣхали мимо Ильинскаго монастыря, тотчасъ увидѣли Виөлеемъ весь, какъ есть на мѣловой выси, отъ которой понижаются долины къ Востоку, а налѣво отъ дороги къ нему любовались Заіорданскими горами. Въ настоящую поѣздку онѣ казались занавѣсками, спущенными къ Іордану наклонно и волнисто.

Митрополитъ принялъ насъ весьма ласково и размѣстилъ въ монастырскихъ кельяхъ, просторныхъ и опрятныхъ. Послѣ богомолья въ Вертепѣ Рождества Христова мы отобѣдали у него, а по захожденіи солнца прогуливались на монастырской плоской кровлѣ, покрытой свинцовыми листами, и отъ Араба-прислужника узнали, какъ называются тесаные камни, изъ которыхъ строятся дома“.

18 Іюля Порфирія посѣтилъ митроп. Діонисій. Разговоръ зашелъ о Латинскомъ патріархѣ Валеріи. По словамъ его преосвященства, этотъ Римскій сановникъ донынѣ не былъ въ Виөлеемѣ, потому что ему хочется войти въ здѣшній (Виөлеемскій) соборъ такъ же торжественно, какъ входятъ Греческіе архіереи; но турки и наши, основываясь на фирманѣ Порты, отказываютъ ему въ этомъ и предлагаютъ войти въ соборъ, какъ входитъ туда настоятель Францисканскихъ монаховъ, гвардіанъ Св. Гроба.

„Митрополитъ motu proprio принесъ свой кодексъ, въ которомъ онъ съ Октября 1842 г. записываетъ разныя событія, касающіяся его паствы. Изъ него я извлекъ много свѣдѣній.

Послѣ вечерни преосвященный Діонисій, я, іеромонахъ Теофанъ и студенты Соловьевъ и Крыловъ въ маленькомъ саду Виөлеемскаго монастыря, подъ тѣнью лимонныхъ деревьевъ, послѣ сладкаго варенья, пили воду, ракі, кофе и чай. Между прочими разговорами, хозяинъ обзывалъ патріарха Кирилла неучью (sic), а я успѣлъ высказать, что, по мнѣнію нашего посланника Титова, его блаженство можетъ съѣздить въ Константинополь мѣсяца на два, на три. Эта вѣсть проглочена

была митрополитомъ. Онъ передасть се патріарху Кириллу. А мнѣ то и надобно; ибо я долженъ здѣсь рости, а не малитися.

Отъ митрополита я слышалъ вотъ какія вѣсти. Іерусалимскій патріархъ и синодъ его обязаны Великою церковью Константинопольскою болѣе не наживать долговъ и долговыхъ векселей. Герондисса, сожительница патріарха Кирилла, Роксандра, зачала во чревѣ младенца, но его вытравилъ святогробскій аптекаръ.

Въ Апрѣлѣ 1846 года, названный патріархъ сдѣлалъ выговоръ митроп. Діонисію за то, что онъ безъ его благословенія прїѣхалъ въ Іерусалимъ поздравить его блаженство съ днемъ ангела. Митрополитъ разсердился и написалъ ему грозное письмо.

4 Августа. Еще вечеръ у преосв. Діонисія и еще любопытныя вѣсти отъ него.

Жена сосланнаго на островъ Кипръ Сулеймана-Факуси ушла изъ сосѣдняго села Беджалы собирать колосья пшеницы, остающіеся на нивѣ послѣ жатвы, и потому въ другое время будетъ представлена мнѣ для полученія пособія по 15 піастровъ въ мѣсяцъ.

Предъ днемъ Св. Пантелеимона и послѣ Іерусалимскіе монахи съ монахинями забавлялись и ночевали въ виноградникахъ монастыря Св. Саввы близъ Виолеема, въ Ильинской обители и въ самомъ Виолеемѣ. Митрополитъ увѣщевалъ ихъ не казаться мірови, но они не слушались. Тогда онъ послалъ своихъ людей въ виноградники объявить имъ, что если они не уйдутъ изъ епархіи его, то онъ пришлетъ Турковъ перевязать ихъ и связанныхъ доставить въ Іерусалимъ. Эта угроза подѣйствовала.

Греческій царь Θεодосій Великій († 395 г.) тайно былъ въ Іерусалимѣ; когда онъ вошелъ въ храмъ, построенный Константиномъ Великимъ надъ Гробомъ Господнимъ, всѣ лампы зажглись сами собою. Это чудо удивило патріарха; но ангель открылъ ему, что богомолецъ былъ не простой человѣкъ, а святой царь Θεодосій.

Въ тотъ годъ, когда Наполеонъ воевалъ съ мусульманами въ Палестинѣ, всѣ Іерусалимскіе христіане, по распоряженію добраго мусселима, безвыходно жили въ Святогробскомъ храмѣ. Въ одинъ день, только не въ Великую Субботу, на мраморной крышкѣ Гроба Господня появился свѣтъ синевато-зеленый и блисталъ долго часа съ три. Всѣ христіане и франкопатыры видѣли его и прославили Бога. Это внезапное явленіе горящаго фосфора въ темномъ, сыромъ и наполненномъ мїазмами храмѣ утѣшило ихъ и утвердило въ вѣрѣ въ благодатный огонь.

Въ тотъ годъ, когда знаменитый господинъ Сиріи и Палестины Ибрагимъ-паша Египетскій, находился въ Іерусалимѣ, оказалось, что огонь, получаемый съ Гроба Господня въ Великую Субботу, есть огонь не благодатный, а зажигаемый, какъ зажигается огонь всякій. Этому пашѣ вздумалось удостовѣриться, дѣйствительно ли внезапно и чудесно является огонь на крышкѣ Гроба Христова или зажигается сѣрною спичкою. Что же онъ сдѣлалъ? Объявилъ намѣстникамъ патріарха, что ему угодно сидѣть въ самой кувукліи во время полученія огня и зорко смотрѣть, какъ онъ является, и присовокупилъ, что въ случаѣ правды, будутъ даны имъ 5000 пунговъ (2500000 піастровъ), а въ случаѣ лжи, пусть они отдадутъ ему всѣ деньги, собранныя съ обманываемыхъ поклонниковъ и что онъ напечатаетъ во всѣхъ газетахъ Европы о мерзкомъ подлогѣ. Намѣстники Петроаравійскій митрополитъ Мисаиль, Назаретскій митрополитъ Даніиль и Филадельфійскій епископъ Діонисій (нынѣшній Виѣлеемскій) сошлись посоветоваться, что дѣлать. Въ минуты совѣщаній Мисаиль признался, что онъ въ кувукліи зажигаетъ огонь отъ лампы, скрытой за движущеюся мраморною иконою Воскресенія Христова, что у самаго Гроба Господня. Послѣ этого признанія рѣшено было смиренно просить Ибрагима, чтобы онъ не вмѣшивался въ религіозныя дѣла, и посланъ былъ къ нему драгоманъ Святогробской обители, который и поставилъ ему на видъ, что для его свѣтлости нѣтъ никакой пользы открывать тайны христіанскаго богослуженія и что Русскій императоръ Николай будетъ весьма недоволенъ обнаруженіемъ сихъ тайнъ. Ибрагимъ-паша, выслушавъ это, махнулъ рукою и замолчалъ. Но съ этой поры святогробское духовенство уже не вѣритъ въ чудесное явленіе огня.

Разсказавши все это, митрополитъ домолвилъ, что отъ одного Бога ожидается прекращеніе нашей благочестивой лжи. Какъ Онъ вѣдаетъ и можетъ, такъ и вразумить и успокоить народы, вѣрующіе теперь въ огненное чудо Великой Субботы; а намъ и начать нельзя сего переворота въ умахъ: насъ растерзаютъ у самой часовни Св. Гроба. Мы (продолжалъ онъ) уведомили патріарха Аѳанасія, жившаго тогда въ Цареградѣ, о домогательствѣ Ибрагима-паши, но въ своемъ посланіи къ нему написали вмѣсто *ἅγιον φῶς* (святый свѣтъ) *καθιερωμένου φῶς* (освященный огонь). Удивленный этою переменною, блаженнѣйшій старецъ спросилъ насъ: „почему вы иначе стали называть святый огонь?“ Мы открыли ему сущую правду, но прибавили, что огонь, зажигаемый на Гробѣ Господнемъ отъ скрытой лампы, все-таки есть огонь священный, получаемый съ мѣста священнаго.

* * *

Любопытенъ описываемый Порфириемъ случай избранія Бейрутскаго митрополита.

По смерти добродѣтельнаго митрополита Веніамина, патріархъ Меѳодій согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ почетныхъ христіанъ Бейрутскихъ (Бустроса, Сурсо и др.) и большей части Ливаногорцевъ, хотѣлъ поставить здѣсь владыкою покойнаго митрополита, Хаматурскаго игумена Исаію. Но гораздо большая часть Бейрутцевъ, увлеченная Намъ-Традомъ, отвергла его за то, что онъ, бывъ еще діакономъ при дядѣ своемъ, обращался съ христіанами презрительно и грубо и велъ жизнь недуховную и за то, что, управляя четырьмя епархіальными монастырями, заботился лишь о томъ, какъ бы нажить деньги, а не о томъ, какъ бы собрать монаховъ Арабскихъ и сдѣлать ихъ полезными для православной церкви на Ливанѣ. Притомъ Намъ-Традъ умѣлъ и успѣлъ внушить своимъ сподвижникамъ, что гораздо выгоднѣе отдать монастыри на откупъ за 25000 піастровъ и устроить на эти деньги больницу для православныхъ, нежели оставить ихъ въ рукахъ новаго митрополита и получать отъ него только 5000 піастровъ (эту сумму давалъ покойный Веніаминъ). Такая приманка обольстила Бейрутцевъ и еще болѣе понудила отвергать Исаію, который, по бойкости своей, не позволилъ бы имъ вмѣшиваться въ дѣла монастырей. Намъ-Традъ просилъ патріарха рукоположить архимандрита Аѳанасія, пребывающаго въ Іерусалимѣ; но его блаженство рѣшительно отказалъ ему въ просьбѣ по духовнымъ причинамъ, ему одному извѣстнымъ. Послѣ сего сдѣланы были взаимныя уступки. Намъ-Традъ пересталъ докучать патріарху объ архимандритѣ Аѳанасіи и соглашался принять всякаго архіерея, кромѣ Исаіи, а патріархъ обѣщался найти другого достойнаго пастыря. И дѣйствительно, онъ приглашалъ своего намѣстника архимандрита, Агаѳангела Птолемаидскаго, митрополита Прокопія, архимандрита Никифора, письмоводителя Іерусалимскаго патріарха; но всѣ они отказались. Тогда его блаженство писалъ въ Константинополь и звалъ оттуда титулярнаго епископа Іероѳея, состоящаго при Греческой церкви въ Перѣ. Повидимому всѣ были довольны и спокойны. Но партія Исаіи въ горахъ требовала его, а не кого-либо другого. Патріархъ, колеблясь между встрѣчными, противными вѣтрами, придумалъ (по предложенію нашего консула) раздѣлить Бейрутскую епархію на двѣ, возстановить древній епископскій престолъ въ городѣ Вивлосѣ (въ 8 часахъ пути отъ Бейрута, на Сѣверѣ) и посвятить туда Исаію, поручивъ ему въ управленіе приходы и монастыри раздѣленной епархіи, находящіяся въ сѣверной части ея, а въ Бейрутѣ вызвать архіерея изъ Константинополя и представить ему южную часть епархіи.

Но представился вопросъ, Вивлоскій архіерей будетъ ли зависть отъ Бейрутскаго, или нѣтъ? Патріархъ Меѳодій хотѣлъ сдѣлать его зависимымъ, давъ ему званіе и права епископа митрополичьяго. Но когда ему поставили на видъ невыгоды этой зависимости, какъ то личныя неудовольствія обоихъ архіереевъ и происходящій оттуда соблазнъ для христіанъ, также ропоть Ливаногорцевъ при слышаніи возглашаемаго въ церквахъ имени чужого митрополита, а не избраннаго ими Исаіи, тогда онъ рѣшился отдѣлать Вивлосскую кафедру отъ Бейрутской. Эта мѣра огласилась между христіанами, и они, полагая, что патріархъ хитритъ и что Исаія съ горь непременно сойдетъ въ Бейрутъ, взволновались, забушевали, загремѣли. Я наблюдалъ возмущеніе изъ оконъ Святогробскаго подворья, обращенныхъ на дворъ митрополіи. Смежная съ этимъ дворомъ кафедральная церковь была растворена. Черезъ западныя и сѣверныя двери ея непрестанно входили на дворъ и уходили и опять возвращались безоружные Арабы въ праздничныхъ платьяхъ. Казалось, будто рой разъяренныхъ пчелъ кружился около своего улья. Дворъ зачерпнулся народомъ. Всѣ стояли и всѣ что-то говорили громко, быстро и гнѣвно, махая руками, бороздя ими воздухъ и заламя головы къ окнамъ митрополіи, гдѣ находились главные зачинщики и бушевали въ присутствіи патріарха и архіереевъ. Болѣе часа продолжалось это движеніе. Наконецъ въ митрополичьемъ домѣ послышался шумъ, стукъ, грохотъ, шопоть. Гляжу,—діаконы поспѣшно ведутъ подъ руки патріарха и архіереевъ по открытой лѣстницѣ, за ними бѣгутъ, толкаются, кричатъ разъяренные Арабы. Всѣ скрылись въ церкви. Подъ сводами ея раздался гулъ, подобный отдаленному барабанному бою. Я встревожился и съ быстротою Синайской серны побѣжалъ въ церковь, дабы видѣть, что тамъ дѣлаютъ съ злополучнымъ патріархомъ. Вхожу туда, останавливаюсь на срединѣ и вижу: блаженнѣйшаго старца ведутъ подъ руки отъ западныхъ дверей церкви къ правому клиросу; около него движется буйная толпа. Оглушенный воплями и удрученный буйствомъ безумцевъ, онъ сѣлъ близъ архіерейской кафедры на такъ называемомъ стасидѣ (высокое кресло для сидѣнія и стоянія). Тогда я помѣстился на лѣвомъ клиросѣ. Буйная чернь бѣгала по церкви, кричала, вопіяла и толпилась около безмолвнаго іерарха. Одинъ изъ Арабовъ влѣзъ на архіерейскую кафедру и во все горло что-то кричалъ, бія воздухъ кулаками и приостанавливая свои сближенные руки и одни указательные пальцы надъ головою патріарха. У меня навернулись слезы на глазахъ; я не могъ болѣе выдержать такого зрѣлища и укрылся въ алтарѣ. Тутъ одинъ только пономарь плакалъ о патріархѣ и выражалъ мнѣ свою скорбь, а всѣ прочіе стояли безмолвно или смотрѣли черезъ царскія двери на архипастыря и на взбѣсившихся овецъ его.

Опять увели его изъ церкви въ домъ митрополита. А я узналъ, что патріархъ хотѣлъ уѣхать къ здѣшнему папѣ на приготовленномъ у западныхъ дверей церкви конѣ, но народъ не пустилъ его, и справедливо: не бѣгай пастырь отъ своей паствы къ волкамъ и не жалуйся имъ на глупыхъ овецъ.

Торжество черни надъ епархомъ еще болѣе увеличило дерзость ея. Эта чернь продолжала сильнѣе бушевать, какъ въ домѣ его, такъ и на дворѣ. Въ окнахъ и на кровляхъ сосѣднихъ домовъ появились женщины и дѣти и съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на то, что происходило. Я воротился домой и продолжалъ наблюденіе. Слышались тѣже крики, и видны были тѣже рѣзкіе жесты, что и прежде. Тѣ Арабы, у которыхъ сердце посмѣлѣе и горло пошире, кричали въ толпѣ и разжигали ея страсти, и другіе ходили по двору спокойнѣе и перешептывались между собою; прочіе зѣвали. Это второе явленіе было такъ же продолжительно, какъ и первое. Когда архіереи подходили къ окнамъ митрополіи, чтобы посмотрѣть на чернь, тогда она разъярялась еще пуще и руками бороздила воздухъ, какъ бы грозя имъ, такъ что они поспѣшно скрывались отъ нея.

Изъ сѣверныхъ дверей церкви показался нашъ генеральный консулъ Базили, предшествуемый и сопровождаемый кавасами и драгоманами. Медленно проходя мимо толпы къ лѣстницѣ, ведущей въ митрополію, онъ неоднократно прилагалъ свою руку къ устамъ и произносилъ: тсъ, тсъ, тсъ! Толпа постепенно утихла, и я обрадовался, увидѣвъ магическую силу Русскаго имени, такъ скоро успокоившую буйную чернь. Но когда онъ ушелъ къ патріарху, тогда волненіе мало по малу опять разыгралось, забугрилось, и давай хлестать! Вскорѣ консульскій кавасъ Саидъ опроретью побѣжалъ чрезъ церковь. Всѣ догадались, что онъ посланъ за солдатами. Тогда самые буйные Арабы ложились на землю и вытягивали шеи свои на порогъ церковномъ. давая тѣмъ чувствовать, что они скорѣе умрутъ тутъ, нежели уступить права свои силѣ. Мнѣ стало страшно, ибо дѣло принимало оборотъ грозный.

Явились на дворѣ кавасы паши, девять-десять съ саблями и кнутами и начали осторожно разгонять народъ; но онъ ринулся на нихъ, вытѣснилъ ихъ на улицу и, сорвавъ съ нихъ фески, потопталъ ихъ, такъ что они едва отыскали ихъ и остались внѣ двора, какъ оглашенные. Послѣ этого скопилось еще болѣе народу. Набѣжали мальчишки. Подъ сводами церкви гремѣлъ нестройный гулъ. Нашъ консулъ два раза высылалъ двухъ драгомановъ своихъ, Арабовъ, уго-

варивать чернь. Пока они витійствовали, чернь слушала ихъ молча, а какъ только переставали говорить, мятежь опять разгорался. Наконецъ появился нашъ консуль и молча прошелъ въ церковь, но скоро воротился и самъ сталъ уговаривать и разводить толпу, взявъ иныхъ за руки. Я подивился неблагоразумности его. Консулу ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ исправлять должность полицейскаго чиновника. Хорошо, что уваженіе къ Русскому имени спасло его отъ оскорбленія, а если бы какой полоумный, полупьяный Арабъ схватилъ съ него шляпу, или плащъ, или насильно вывелъ со двора,—кто былъ бы виноватъ? Кто сталъ бы отвѣчать за послѣдствія? Не самъ ли консуль? Но къ счастью дѣло пошло хорошо. Толпа стала мало по малу расходиться. Тогда консуль опять ушелъ къ патріарху, а драгоманы его начали по одиночкѣ отводить въ стороны главныхъ зачинщиковъ и, обхвативъ ихъ шеи, что-то шептали имъ. Шепотъ ихъ былъ гораздо краснорѣчивѣе и сильнѣе ихъ громогласнаго витійства. Я догадывался, что бунтовщикамъ погрозили баталіономъ пашы, тюрьмою и ссылкой на галеры. Послѣ сего они разошлись всѣ по домамъ. Дворъ и церковь опустѣли. Воцарилось молчаніе. Спустя нѣсколько минутъ, консуль увелъ къ себѣ въ домъ патріарха и архіереевъ. Я сошелъ въ церковь и отслужилъ вечерню.

Патріархъ и иже съ нимъ возвратились отъ консула уже довольно поздно. Какъ ни горько имъ было, но они рѣшились въ эту же ночь совершить чинъ избранія архіерея на кафедру въ Эмессъ (Хомсъ) и завтра рукоположить избраннаго. Я дорожилъ этимъ случаемъ и присутствовалъ при избраніи.

Въ разговорѣ съ консуломъ, зашла рѣчь о графѣ Протасовѣ. Базили называлъ его скупымъ на чужія деньги, а я перечислилъ замѣчательныя преобразованія, кои удалось ему сдѣлать. Протасовъ созналъ уклоненіе нашего духовенства къ протестантству и, безъ сомнѣнія, по волѣ Государя, принялъ мѣры противъ этого зла: подчинилъ себѣ духовно-учебное управленіе, ввелъ въ семинаріи и академіи преподаваніе катихизиса Петра Могилы и ученіе о святыхъ отцахъ церкви, воспретилъ новый переводъ Священнаго Писанія изъ опасенія новаго раскола и потому удалилъ изъ Синода двухъ Филаретовъ, Московскаго и Кіевскаго, желавшихъ вновь перевести Библію съ Еврейскаго языка, придерживаясь и перевода 70-ти толковниковъ; кромѣ сего, началъ ласкать старобрядцевъ, можетъ быть, по сознанію правоты ихъ или безсилія правительства воссоединить ихъ съ нами мѣрами крутыми“.

8 Января 1850 года Порфирій былъ въ Бейрутѣ въ домѣ Русскаго консула Базили, гдѣ каждый вечеръ собирались гости; въ числѣ ихъ

находились: молодой князь Петръ Трубецкой и князь Александръ Ливень, сынъ бывшаго нашего посла въ Лондонъ. Оба князя собирались ѣхать съ нимъ въ Іерусалимъ“. А оттуда пріѣхалъ, пишетъ Порфирій, и встрѣтился съ нами у консула Андрей Муравьевъ. Это длинный оборотень, странствующій по міру, то въ видѣ ученаго муравья, то въ образѣ православнаго попугая, то въ зракѣ наказнаго досмотрщика. Много разказовъ занимательныхъ и пустыхъ, важныхъ и смѣшныхъ, много сужденій основательныхъ и поверхностныхъ, много замѣчаній остроумныхъ и ѣдкихъ слышалось изъ устъ этихъ собесѣдниковъ и напечатлѣлось въ душѣ моей. Вчера послѣ чаю Муравьевъ проговорилъ намъ все догматическое богословіе вкратцѣ, какъ будто хотѣлъ обратить насъ въ Православіе.

На консульскихъ вечеринкахъ была рѣчь и о нашихъ царяхъ Павлѣ и Александрѣ. Князь Трубецкой говорилъ, что въ его семействѣ хранится переписка Павла съ госпожею Нелидовою. Письма его обнаруживаютъ сердце доброе. Онъ жаловался, что люди окружавшіе престолъ его, хитросплетеніями и низостями своими дѣлали его строгимъ, суровымъ, взыскательнымъ. Нынѣшній Государь, узнавъ объ этой перепискѣ, потребовалъ ее къ себѣ и, прочитавъ, возвратилъ. По словамъ князя Трубецкого, императоръ Павелъ намѣревался учредить княжество Трубецкое, которое и теперь извѣстно простому народу подъ именемъ Трубечины, но не успѣлъ сдѣлать сего. Тутъ кстати сіятельный человекъ повѣдалъ намъ, что въ Трубечинѣ понынѣ живутъ уединенно другіе князья Трубецкіе. Они ведутъ свой родъ въ прямой линіи отъ Рюрика и потому не хотятъ служить императору, происходящему изъ дома Романовыхъ, и даже зазираютъ своихъ родныхъ за то, что они находятся у него въ службѣ. „Вотъ гордецы (подумалъ я), прозябаютъ въ глуши, питаютъ и грѣютъ свою кровь Варяжскую и воображаютъ и чаютъ, что когда-нибудь новый Гостомыслъ придетъ къ нимъ съ поклономъ и позоветъ ихъ на царство. Ждите, ждите, соколы, и услаждайтесь своими Норманскими мечтами! А Богъ сдѣлаетъ свое: вмѣсто соколовъ посылаетъ намъ орловъ“.

Князь Ливень разказывалъ, что отецъ его, бывши военнымъ министромъ при Павлѣ Петровичѣ, не зналъ ни о заговорѣ противъ сего государя, ни о злосчастной кончинѣ его. Когда онъ въ обычный часъ утренній явился въ дворецъ съ докладомъ Императору, къ нему вышелъ изъ кабинета его Александръ и, сказавъ ему нѣсколько словъ о внезапной смерти отца своего, тотчасъ спросилъ: гдѣ находится полкъ, сосланный въ Сибирь? Онъ не отправленъ туда, отвѣчалъ министръ. Добродушный Александръ успокоился.

Къ разнымъ воспоминаніямъ о Павлѣ Петровичѣ и я привосокупилъ одну, рѣдко кому извѣстную, былъ, которую мнѣ повѣдалъ покойный о. Аникита, урожденный князь Шихматовъ-Ширинскій. Когда Павелъ рѣшился соединить въ своей особѣ два достоинства, царское и первосвященническое, и уже приготовилъ себѣ саккосъ архіерейскій, ему вздумалось поучиться священнослуженію предварительно у себя въ теремѣ, и онъ, расхаживая тутъ большимъ шагомъ, часто повторялъ возгласъ: „Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки вѣковъ“, но такую скороговоркою и съ такими порывистыми удареніями и напорами, что самому ему не нравилось его произношеніе, походившее болѣе на командованіе предъ полкомъ нежели на разглагольствованіе предъ Богомъ, почему онъ неоднократно перемѣнялъ тонъ и выговоръ, но сколько ни старался подражать священникамъ, всегда сбивался на военный ладъ. Эту причуду слыхали тѣлохранители его.

О покойномъ императорѣ Александрѣ князь Трубецкій отзывался въ выраженіяхъ жедчныхъ. Онъ-де былъ такъ любезенъ, что если кого хотѣлъ проглотить, то дѣлалъ это улыбаясь и лаская свою жертву. Въ минуты гнѣва у него, обыкновенно, начинало краснѣть чело, но и тотъ порывъ души онъ умѣлъ скрывать ловко; тогда онъ вынималъ бѣлый платокъ и утиралъ имъ будто бы потное лицо. Когда А. С. Шишковъ написалъ знаменитый манифестъ 1812 года, Александръ, прочитавъ его, велѣлъ вычеркнуть похвалы Русскому дворянству, сказавъ: я ничѣмъ не обязанъ ему. Шишковъ на этотъ разъ удалился почтительно, но когда снова предложилъ Государю тотъ же манифестъ для подписи и осмѣлился напомнить ему о заслугахъ дворянства въ годину нашествія Наполеона *), Александръ, стоя у стола, началъ переминать ногою, — это знакъ его гнѣва, — вынулъ бѣлый платокъ и потомъ премилостиво и прелюбезно сказалъ: подписываю, но въ послѣдній разъ.

Въ домашней и непринужденной бесѣдѣ рѣчь подобится потоку, который чѣмъ далѣе стремится, тѣмъ болѣе принимаетъ въ себя разныхъ ручьевъ. Вотъ одинъ притокъ моего слова къ общимъ воспоминаніямъ о покойномъ Александрѣ. Въ цавствованіе его митрополитомъ Петербургскимъ былъ знаменитый Амвросій. Сему святителю вздумалось безъ всякаго умысла передѣлать въ саккосъ бархатную мантию, подбитую горностаями, которую императрица Екатерина II прислала въ лавру на раку Св. Александра Невскаго. Саккосъ горностаевою опушкою былъ приготовленъ, и митрополитъ отслужилъ въ немъ обѣдню

*) Т. е. въ 1807 году. П. Б.

въ Троицынъ день, храмовой праздникъ лавры. Послѣ обѣдни всѣ старцы и нѣкоторые знаменитости столицы пришли въ покои митрополиты. Тамъ, послѣ обычнаго краткаго молитвословія, протодіаконъ о. Викторъ громкимъ и густымъ басомъ началъ торжественно возглашать полный титулъ митрополита, но, вмѣсто многая лѣта, затянулъ вѣчную память, безъ сознанія, по сбивчивости, понятной въ діаконѣ, при-выкшемъ служить молебны и панихиды. Лаврскіе старцы начали моргать ему, а онъ свое ореть. Митрополитъ не велѣлъ мѣшать ему и, по окончаніи надгробнаго возгласа, сказалъ всѣмъ присутствующимъ: видно, мнѣ не долго быть съ вами; протодіаконъ заживо отпѣлъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, неумышленный возгласъ похоронный былъ пророчество; ибо вскорѣ послѣ сего перетолковали Императору передѣлку царственной мантии въ саккосъ такъ, что Амвросій будто бы намѣренъ возстановить въ Россіи патріаршество и потому-де велѣлъ оторочить саккосъ горностаями. Самая тѣнь патріаршества грозна и не любя нашимъ вѣнценосцамъ, потому митрополиту Амвросію чрезъ князя А. Н. Голицына приказано было проситься на покой въ Великій Новгородъ. Неповинный святитель исполнилъ царственное велѣніе: уѣхалъ въ назначенное мѣсто и тамъ скончался. А о. Викторъ еще разъ возгласилъ ему вѣчную память.

(Окончаніе будетъ).

